

ТЕКСТ. КОНТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-171-184

Е. А. Папкина¹

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ ПОВЕСТИ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА «БЕГСТВУЮЩИЙ ОСТРОВ»

В статье повесть Вс. Иванова «Бегствующий остров» и типологически близкие к ней повести М. Плотникова «Беловодье» и В. Шишкова «Алые сугробы», а также рассказ А. Платонова «Иван Жох», рассматриваются в историческом контексте начала 1920-х гг., когда актуализировался вопрос социального идеала страны – коммунизма. Типологическая общность текстов раскрывается путем анализа их композиции, включающей сходные элементы: появление образа праведной земли – Беловодья; дальнюю и сложную дорогу; образ не «настоящего» Беловодья – богатой, но лишенной праведности земли; символический образ долгого пути к истинному социальному идеалу. Показано, что для советских критиков крестьянский социальный идеал был неприемлем.

Ключевые слова: легенда о Беловолье, Вс. Иванов, Плотников, Шишков, Платонов, исторический контекст, социальный идеал, композиция, антитеза «временное – вечное», образ пути

E. A. Papkova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

HISTORICAL AND LITERARY CONTEXTS OF VSEVOLOD IVANOV'S STORY «RUNNING ISLE»

The story of Vs. Ivanov «Running Isle» (Begstvuyushchiy ostrov) and the typologically close novels by M. Plotnikov «Belovodye» and V. Shishkov «Scarlet Snowdrifts», as well as A. Platonov's short-story «Ivan Zhokh», are considered in the article in the historical context of the early 1920s, when question of social ideal of the country – communism – was updated. The typological commonality of the texts is revealed by analyzing their composition, which includes similar elements: the appearance of the image of the righteous land – Belovodye; long and difficult road; the image of not «real» Belovodye – a rich, but devoid of righteousness land; a symbolic image of a long path to a true social ideal. It is shown that for Soviet critics the peasant social ideal was unacceptable.

Key words: legend about Belovodye, Vs. Ivanov, Plotnikov, Shishkov, Platonov, historical context, social ideal, composition, antithesis «temporal – eternal», the image of the path

Публикация в 2012 г. в знаменитой серии «Литературные памятники» лучшей и самой любимой книги Всеволода Иванова «Тайное тайных» [Иванов,

¹ Елена Алексеевна Папкина, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН (Москва).

2012] обусловила появление новых исследовательских работ, посвященных как этой книге, так и творчеству писателя в целом. «История книги Вс. Иванова “Тайное тайных” в литературной жизни XX–XXI вв. – отдельная и, может быть, не только филологическая проблема, – отмечает Л. П. Якимова. – Вышедшая в свет в 1927 г., сегодня она предстает как объект и переиздания на основе восстановленного авторского текста, и новой научно-исследовательской рецепции» [Якимова, 2019, с. 121]. Более всего привлекла внимание исследователей завершающая «Тайное тайных» повесть «Бегствующий остров», что, главным образом, было вызвано ее философским метатекстом – русской народной утопической легендой о Беловодье. Еще до публикации повести в книге 2012 г. в журнале «Филологические науки» был напечатан наш анализ реальных и историко-литературных источников представленного в «Бегствующем острове» образа раскольничьей обители – Белого Острова [Папкова, 2009]; позднее в журнале «Сибирские огни» – обнаруженная в РГАЛИ повесть сибирского писателя М. Плотникова «Беловодье» с предисловием, в котором была предпринята попытка выявить в русской литературе 1920-х гг. типологически близкие произведения, включающие мотивы поиска Беловодья. Таковыми оказались повести М. Плотникова «Беловодье» (конец 1924 – начало 1925 гг.), А. Караваевой «Золотой клюв» (1925), В. Шишкова «Алые сугробы» (1925), Вс. Иванова «Бегствующий остров» (1926), рассказ А. Платонова «Иван Жох» (начало 1927 г.) [Папкова, 2011, с. 136–138]. В работах второй половины 2010-х гг., посвященных теме Беловодья, современные исследователи, с опорой на названные выше художественные тексты 1920-х гг., выстраивают свои концепции, выделяя, в частности, «беловодский метатекст» или «мифологему» в русской литературе [Ковтун, 2015], [Богумил, 2018].

В настоящей статье хотелось бы продолжить разговор о некоторых из указанных произведений 1920-х гг. Как нам представляется, они были вызваны к жизни определенными историческими реалиями первой трети XX в.

Завершающие повесть М. Плотникова слова: «Скоро умрет наивная вера в старую Беловодскую землю, ибо человечество на пути к новому Беловодью, более прекрасному и более реальному и близкому» [Плотников, 2011, с. 154] – указывают, что появление в литературе 1920-х гг. образа Беловодья было вызвано прежде всего произошедшей в 1917 г. революцией, результатом которой в России, да и, как ожидали тогда, в мире в целом, явится новое справедливое общество – коммунизм. Это идеальное общественное устройство идеологами новой власти описывалось во вполне конкретных экономических и социальных категориях: «1) Это должно быть общество организованное, оно не должно иметь анархии производства, конкуренции частных предпринимателей, войн, кризисов. 2) Это должно быть общество бесклассовое, оно не должно состоять из вечно враждующих друг с другом половин, оно не может быть обществом, где один класс эксплуатируется другим классом. А таким обществом, в котором нет классов и где все производство организовано, может быть только товарищеское, трудовое коммунистическое общество» [Бухарин, Преображенский, 2018, с. 56]. Однако большая часть населения России, которое на 80% было

крестьянским, представляла это идеальное общество по-своему. Как убедительно показала в своих работах С.Г. Семенова, в произведениях, созданных в предреволюционные и первые пореволюционные годы «новокрестьянскими» писателями – С. Есениным, Н. Клюевым, С. Клычковым и другими, оно воплощалось в образах, имевших глубокие традиции в русских народных утопических легендах, в частности – в легендах о сокровенном граде Китеже и Беловодье [Семенова, 2001, с. 42–44]. Выскажем предположение, что Плотников, Шишков, Иванов и Платонов, создававшие свои произведения в середине 1920-х гг. и включавшие в них утопические легенды, как и «новокрестьяне», не только отражали социальный идеал народа, но и обращались к новой власти со своеобразным наказом, как бы предлагая скорректировать два идеальных образа.

Определенным рубежом на пути к новому обществу стал 1924 год – смерть В.И. Ленина. Предваряя «Обзоры политического состояния СССР» за первые месяцы 1924 г., редакторы издания «"Совершенно секретно": Лубянка – Сталину о положении в стране», отмечали, что этот «поворотный» год «занимает особое место в истории страны». 21 января ушел из жизни В.И. Ленин, и, как показывает «Обзор политического состояния СССР за январь», первые сообщения об этом «были ошеломляющими, вызвали плач, истерики и стихийные демонстрации, <...> чувствовалось опасение за судьбу РКП(б) и Советскую власть. <...> В связи со смертью Ленина возникли вопросы, в каком направлении будут развиваться государство, общество и экономика страны, какова будет судьба России и многонационального Союза республик, кто возглавит правящую партию» [Совершенно секретно, 2001, с. 11]. Обзоры за 1924 г. передают настроения крестьянства в различных районах страны: «выражается беспокойство, что положение крестьянства со смертью Ленина ухудшится» (январь) [Там же, с. 31]; в связи с угрозой неурожая отмечаются «паника среди крестьян» и «рост религиозных настроений», «появление разного рода чудес», например «чудесного колодца», «чудес исцеления» (июнь) [Там же, с. 123, 144–145]; «слухи о гибели Советской власти, о скором приходе Николая Николаевича» (Романова) (август) [Там же, с. 174], агитация за «Советы без коммунистов» (сентябрь) [Там же, с. 202]. О проблемах переходного времени в первые месяцы после смерти Ленина сообщала печать. Так, журнал «Красная новь», с которым так или иначе будут связаны все названные нами писатели, в номере 3 за 1924 г. публикует очерк Макса Адлера «Владимир Ильич Ленин» (перепечатка из № 3 журнала «Der Kampf», перевод проф. Б.Ф. Адлера), где передается «впечатление стихийной катастрофы» в мире: «Ленин мертв! Ленин – на вершине своей исторически-мировой работы – скончался. Это казалось как бы крушением некой могучей стихии, разрушительной силы которой боялись одни и ей противодействовали, другие же с восторгом познали в ней силу, которая могла освободить жизнь для новых путей» [Адлер, 1924, с. 193]. Автор признавал ряд «тяжелых ошибок» на этом пути, но подчеркивал, что Ленин «мог бы их преодолеть». После его ухода «большая задача выпала <...> наследникам Ленина. Да будет она им под силу!» [Там же, с. 200]. Краткий исторический обзор настроений

начала 1924 г. завершим словами редактора «Красной нови» А. К. Воронского, напрямую связанными с нашей темой: «Товарищ Ленин оставил нас в сложных, противоречивых условиях общественной жизни: государственного социализма и нэпа, признания Советской России буржуазным миром и неустанных, новых, тайных и явных подкопов под республику Советов. Ленин сделал коммунизм вопросом дня, сделал его практической и тактической проблемой. Далекое стало близким, осязаемым, зримым, идеально-реальным. <...> Много грозных опасностей каждодневно, ежечасно, на каждом шагу подстерегают *палладинов новой земли обетованной* (курсив наш). Но мы уже в пути... <...> Возврата нам нет...» [Воронский, 1924, с. 143]. Исследователь народной утопии К. В. Чистов писал: «Давно замечено, что утопическое мышление переживает особенное напряжение в периоды социальных, экономических и национальных кризисов» [Чистов, 2003, с. 474]. Легенда о Беловодье, «земном царстве с идеальным строем общественных отношений» [Клибанов, 1977, с. 220], «была создана в ситуации страха и отчаяния» [Чистов, 2003, с. 387]. В аналогичной ситуации в XX в. она вновь оказалась востребована.

Прежде чем определить типологически родственные черты и различия в литературе 1920-х гг. с беловодской тематикой, скажем несколько слов о каждом из названных нами произведений, расположив их по хронологии написания.

Появление повести «Беловодье» в творчестве М. П. Плотникова (1892–1953) не было случайным. Уроженец Сибири, с которой тесно связана легенда о Беловодье, Плотников много лет своей жизни посвятил изучению фольклора ее народов. В 1918–1919 гг. в областническом журнале «Сибирские записки» печатались первые песни его поэмы «Янгал-Маа», основанной на фольклоре народа манси, материал для которой писатель собирал, странствуя по Сибири. Работая над текстом повести «Беловодье», Плотников внимательно изучал разные, в том числе книжные, источники. Авторское примечание к заглавию: «"Беловодье" – сказочная страна, куда стремились старообрядцы. Таким Беловодьем оказался в XVIII ст. Бухтарминский край, где долгое время как старообрядцы, так и другие беглые, жили "сами по себе", т.е. автономной республикой. В конце XVIII ст., стесненные Алтайскими заводами, они сначала хотели перейти в Китайское подданство, но получили отказ, "объявились русскому государству" и были зачислены сначала в разряд "ясачных", а потом крестьян» [Плотников, 2011, с. 140] – и сюжетная линия, связанная с поездкой героев повести в Китай, в город Кобдо (в современной монгольской и русской орфографии – Ховд), отсылают, вероятно, к публиковавшимся описаниям путешествий в Северо-Западную Монголию (работам Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, Г. Е. Грумм-Гржимайло, П. К. Козлова и др.). В повести также имеются отсылки к «Путешественнику» Марка Топозерского – своего рода листовке, призывающей идти в Беловодье, с указанием дороги. Одна из редакций этого текста (сибирская) была опубликована в Томске в 1901 г. Описание дороги в Беловодье в повести почти дословно совпадает с текстом «Путешественника» [Папкова, 2011, с. 138–139]. 2 января 1925 г. Плотников отправил повесть

в журнал «Красная новь», однако она была отклонена тогдашним главным редактором – Ф. Раскольниковым. Возможно, причиной отказа в публикации послужила напрашивающаяся параллель сюжетной линии повести: знающий путь в землю Беловодскую землю старец Кирилл по дороге умирает, и перед смертью наказывает вести людей иноку Иосафу, не открыв ему сокровенного пути, – с исторической ситуацией января 1924 г.

В. Я. Шишков (1873–1945), не будучи уроженцем Сибири, на протяжении многих лет жил и работал там, отдал дань областническим настроениям; сибирские впечатления отразились в большей части его произведений. Об истории создания повести «Алые сугробы» Шишков писал П. С. Богословскому 17 марта 1926 г.: «... в бытность мою в 1913 году на Чуйском тракте, встретил вечером возле нашего изыскательского стана двух оборванцев, сидевших у костра. Оказалось – крестьяне (самоходы), искавшие за горами, в Сойотии, в Урянхайском крае, хорошей земли» [Кондаков, 1969, с. 71]. Впервые повесть была опубликована в 10 номере журнала «Красная новь» за 1926 г.

В. С. Иванов (1895–1963), как и Плотников, родился там, где поиски благословенной земли, «Беловодья», среди крестьян даже в начале XX в. были реальностью. Судя по документам, писатель хорошо знал быт и веру старообрядцев. В его архиве сохранились «Объявление правительствующего Всероссийского Синода о покаявшемся раскольнике Иване Михайлове» (1726), отрывок исследования неустановленного автора «О распространении веры в период Синодального управления Русской церкви» (не ранее 1850) и др. О глубоком знании Ивановым истории раскола свидетельствуют факты и реалии, упомянутые в повести «Бегствующий остров»: публичный диспут о старой и новой вере 5 июля 1685 г. в Грановитой палате Кремля в присутствии царевен Софии и Татьяны и царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I; правительственные распоряжения эпохи Петра I по преследованию раскольников: указ 1716 г., по которому раскольникам было разрешено открыто жить в селениях и городах, но под условием платежа двойного налога, «Духовный Регламент» от 25 января 1721 г. и др. Во время работы над «Тайное тайных» интерес писателя к старообрядчеству не угасает, подтверждением чему может служить письмо его от 20 декабря 1925 г., адресованное А. М. Горькому. Иванов рассказывает о своей мечте проехать на лошадях «по Семиреченскому тракту, мимо Иссык-Куля, полторы тысячи верст <...> казачьими станица<ми> среди раскольников и киргиз» [Иванов, 2012, с. 328]. Несколько фрагментов повести публикуют журналы «Молодая гвардия», «Красная панорама» и «Шквал» в начале 1926 г., полностью она выходит в альманахе «Пролетарий»; тогда же писатель включает повесть как заключительную часть в книгу «Тайное тайных».

Рассказ «Иван Жох», как отмечает Е. В. Антонова, создавался А. П. Платоновым (1899–1951) не как отдельное произведение, а как часть романа, посвященного Емельяну Пугачеву (в 1925 г. отмечалось 150-летие его казни), и имел первоначальный заголовок «Раскольники (Отрывок из неоконченного романа)». Источником исторических сведений о Пугачеве писателю послужил

популярный труд В.Ф. Ливанова «Раскольники и острожники» (1871–1877). Неизвестно, что заставило Платонова отказаться от дальнейшей разработки темы пугачевского восстания и обратиться к судьбе вымышленного персонажа – Ивана Жоха [Платонов, 2004, с. 512]. Действие первой – четвертой частей рассказа происходит после 1769 г., когда «был обнародован Сенатский указ, до раскольников относящийся» [Там же, с. 26], по пути в Зауралье; пятой части – в Сибири, в 1919 г. Появление в рассказе Сибири и «красно-зеленых партизан», сражающихся против Колчака, дает возможность усмотреть в тексте некоторое влияние творчества Вс. Иванова, с семьей которого в 1925–1926 гг. у Платонова сложились дружеские отношения. Рассказ был напечатан в составе книги Платонова «Епифанские шлюзы» (М., 1927).

Четыре названных текста имеют сходную композицию.

1) В первой части повествования у Плотникова, Шишкова, Иванова и Платонова появляется возвышенный образ праведной земли: «А там, за высокими алмазными хребтами для незримых очей духовидцев горела куполами многих церквей земля древляя, земля правой веры, земля Беловодская и колокольным звоном многих звонниц звала к себе» [Плотников, 2011, с. 142]. Повесть «Алые сугробы» начинается со своего рода вступления – описания «диковинной страны» – Беловодья: «И в песнях про нее поется, и в сказках сказывается. В Сибири она, за Сибирью ли, или еще где-то. Сквозь надо пройти степи, горы, вековечную тайгу, все на восток, к солнцу, путь свой править...». Не надо там «ни пахать, ни сеять», и «в цветистом большетравьи без конца, без счету стада пасутся – бери, владей». Кроме избытка материальных благ, в этой стране сохраняется истинная вера и «вся воля, вся правда искони живет». Никакому царю эта страна не принадлежит: «Беловодье – ничье, Беловодье – божье» [Шишков, 1927, с. 23–24]. Иванов в повести «Бегствующий остров» с опорой на легенду о Беловодье создает свою легенду (в повести названа «сказкой») о праведном Белом Острове (в повести использована и форма «Белоостровье») – тайном раскольничьем поселении. И слово «белый», и слово «остров» в ивановском топониме связаны с Беловодьем. Как восстановил К. Чистов из анализа сочинения М. Топозерского «Путешественник», Беловодье имело островное положение. Слово «белый» в названии «Белый Остров» включает в себя тот же цветовой компонент, что и в «Беловодье», причем «часть “бело” <...> несомненно, воспринималась не как название цвета, а связывалась с древним значением прилагательного белый <...> – “чистый, свободный от чего-либо, вольный”» [Чистов, 2003, с. 279]. На Белый Остров раскольников, спасая их от самосожжения, готов вести некий работник Оглобля: «Есть дальше крепости Тюмень да ближе крепости Тобольск, середь топей, середь болот – Белый Остров, от старых дубрав так названный» [Иванов, 2012, с. 95]. Тема Беловодья заявлена в начале рассказа Платонова «Иван Жох»: «Благочестия ж нету в Москве – горит оно где-то в опоньской стране на Беловодье» [Платонов, 2004, с. 29]. В образе Беловодья авторы подчеркивают не столько его богатство, сколько духовные составляющие: «благочестие», свободу, справедливость.

2) Вторым важным композиционным элементом становится дорога в Беловодье (Белый Остров). Все авторы описывают сложность этого пути: «Неизведанными путями, нетореными дорогами пошел народ в землю Беловодскую из лесов Уральских, с заводов царских, от гонений за правую веру, минуя заставы крепкие и хитрость воеводскую» [Плотников, 2011, с. 142]. Путь в Беловодье становится основным содержанием повести Шишкова: два друга Афоня и Степан по наказу старосты села Недокрытова едут сначала на лошадях, потом на пароходе по Волге, потом на чугунке до Сибири и гор Алтая. В характеристике Алтая проявляется «контрастное единство блага и зла, жизни и смерти» [Богумил, 2020, с. 133]. Наиболее подробно описан Шишковым путь по горам, которые сначала предстают перед путниками в зловещем обличьи «страшных чудовищ», только постепенно открывается красота «белоснежных видений», и только одному из них – Афоне. «Горный дух Алтая – человеку враг», и путники плутают в пустынных горах и тайге, терпят муки голода. Друзей охватывает страх, желание повернуть назад. «Будь оно проклято, это дьявольское Беловодье», – теряет присутствие духа Степан [Шишков, 1927, с. 26–93]. Более других писателей Шишков подчеркивает, что путь в праведную землю – прежде всего нравственный путь души, «путь к идеальной общности через умаление «я» и выход к «другому»», путь «очищения» и «преображения» [Кнорре, 2016, с. 229–231]. «Мечта является духовной потребностью героев», – отмечает Е. А. Орлова. Путь их это «постижение своего внутреннего “я”, своей души». В начале повести автор наделяет душой только Афоню, Степана же представляет как человека с «ущербной», «измельченной» душой. Но и он обретает душу в «жалости, сострадании к другу» [Орлова, 2010, с. 127–130]. В повести Иванова нравственная доминанта пути не акцентируется, что, впрочем, можно объяснить личностью рассказчика – карманного вора, пьяницы и мечтателя Галкина. Платонов тоже строит повествование с акцентом на реальном, а не духовном пути – дороге «от одного раскольничьего скита к другому»; у его героя, Ивана Жюха, изначально нет цели прийти к праведной земле: «Думал он пробраться на Зауралье – там богатые земли пустыни лежали – чтобы основать целый раскольничий край» [Платонов, 2004, с. 27].

3) Рассматривая следующий элемент композиции беловодских текстов, можно увидеть, что в трех из названных произведений (у Плотникова, Шишкова и Платонова) описана некое преобразование идеала: образ праведной земли принимает обличье богатой земли, где и остаются странники. Наиболее ярко это подмена вечного временным представлена у Плотникова: после долгого пути «тридцать душ пришло на землю новую». Самый старый из них объявляет народу: «...теперь нам надо наше житье временное обсудить. Шли мы сотовариществом, как одна семья, людно. Земля здесь большая и свободная, места много. Пусть каждый <...> строит починок. Жить мы будем сотовариществом, дела наши решать миром. <...> Кто жаждет пустынного житья, пусть идет с Богом за наши грехи молиться» [Плотников, 2011, с. 144]. Люди селятся по рекам Бухтарме, Белой, Ясной, радостно встречают живших на реке Ульбе староверов; добывают

соболей, пашут земли. Только инок Иосаф не устает напоминать об истинной цели – пути в «настоящее Беловодье», предостерегает, что «народ на здешней земле обживется и о земле Беловодской забудет» [Там же]. Действительно, начинается «волчья жизнь, тяжелая, но вольная», и народ забывает о Беловодье [Там же, с. 145]. Постепенно на новой земле появляются старые потребности: нет соли, и старые страсти: нужны бабы. С приходом других людей, новая земля приобретает все больше черт старой: «Множились люди за Камнем, но не множилась вера истинная в людях... <...> Множились люди худые, заводились ссоры да распри, доходило дело до схваток и ножей. Заводские крестьяне, беглые солдаты, тати, воры, разбойники-душегубцы верх взяли и мутили народ» [Там же, с. 149]. Господь посылает неурожай и голод. Попытка просить помощи в земле китайской остается безуспешной. В главе 8 «Конец Бухтарминской вольницы» показано, как под ударами и извне – приходит партия горных рабочих с начальством, и изнутри – побеждает «злой, буйный и неартельный народ» [Там же, с. 153], гибнет свободная Бухтарма.

Очень похоже развивается сюжет в повести Иванова «Бегствующий остров»: на «недоступных холодных водах» селятся раскольники, ставят молитвенный дом, кто-то рубит дома и поднимает пашни, праведники живут на горе Благодати схимниками-пустынниками [Иванов, 2012, с. 97]. Но – нужны ружья и порох, и начинается торговля с зырянами села Черно-Ореховое. Постепенно возрастают земные страсти: появляется честолюбие у Гавриила-юноши, мечтающего о киновиаршестве; от радости, что «в Руси царя нет» и старая вера воротилась, среди схимников начинается «блуд неудержимый»; молодые, в том числе и дочь кроткой старицы Александры-киновиарх, хотят в «мир» уйти [Там же, с. 95–117].

Повествователь в рассказе Платонова, по сути, говорит о том же процессе превращения вечного во временное. В последней части текста появляется образ «преуспевающего раскольникового скита»: «У сибирских староверов он известен под именем Вечного Града-на-Дальней реке». Вечный Град, созданный в XVIII в. Семеном Тещей, сподвижником Ивана Жуха, выдававшего себя, как и Пугачев, за царя Петра III, и в 1919 г. живет в большом «достатке и благополучии. Все оттого, что в нем после смерти Теши наступил взаимный мир, а трудились раскольники всегда хорошо, поэтому и стал Вечный Град тайной и самой богатой раскольничьей столицей» [Платонов, 2004, с. 39–40]. Был в Вечном Граде игумен Георгий, обладавший «одиноким восторженным и свежим сердцем», написал он философскую книгу о «ненарушимом покое тайги», но в целом раскольничья столица тоже живет по законам старой жизни: «Наверное, богатство и было настоящей силой, что влекла сюда исконных раскольничьих людей? <...> Все прочее – вера в правильность двуперстного сложения руки, осьмиконечный крест, борода и другое – было так лишь для признака дружной хозяйственной жизни. А этот Георгий – случайность, так сказать, жемчужина мечты в том царстве покойного богатства и сытой жизни, что вы прозвали Вечным Градом-на-Дальней реке?» [Там же, с. 40].

Немного по-другому строится повесть Шишкова «Алые сугробы», но и здесь присутствует антитеза «вечное – временное». Так же, как в других беловодских текстах 1920-х гг., герой ее не доходит до настоящего Беловодья, а попадает в некое место, о котором рассказывает спасший его татарин: «Земля шибко якши тут... Ай-яй, какой земля, самый хорош. Работать мало-мало можна, денга колотить можна» [Шишков, 1927, с. 95]. «...Афоня почти находит райскую землю лишь в больном бреду, – отмечает Т. А. Богумил, – а в реальности – пусть и хорошую землю, но не Беловодье» [Богумил, 2020, с. 134]. Однако Шишков не дает читателю увидеть «конец» этой земли: «волна ликующей радости» охватывает спасенного Афонию, о дальнейшем писатель умалчивает. Намеком на судьбу благословенной земли, на губительное вмешательство земных страстей и грехов звучат слова Афони в середине повести: «Я все думаю. Деда-прадеды эту землю-то праведную спокон веку, сказывают, искали – не нашли. Вот уж, кажись, тут и есть, уж звоны слышны колокольные. Только бы выйти – ан нет, лукавый сомутил: грех вышел, перегрызлись деда, и – прощай, земля святая!» [Там же, с. 60].

4) Несмотря на победу «временного», «настоящее» Беловодье, народный крестьянский идеал, ни в одном из текстов не уходит из поля зрения персонажей и автора. В конце трех произведений появляется символический образ пути. Этот путь к вечному у Плотникова, Иванова и Платонова представлен по-разному. В финале повести Плотникова «Беловодье» инок Иосаф обвиняет «маломощных» людей, которые «самое великое продали за чечевичную похлебку», и призывает не покоряться ни царице, ни собственной слабости: «Слышите, как бухает тысячный колокол. Это в Беловодье, а оно недалече. Вижу я незримыми очами эту страну... <...> Братья, кто не боится трудов великих, пойдем со мной в ту землю свободную. Мы найдем ее» [Плотников, 2011, с. 154]. Многие «услышали дальний звон и незримыми очами увидели эту землю дальнюю». Отринув «земное», они «снарядились в дальний путь» [Там же, с. 154]. Троекратно повторенное слово «дальний» сменяется антитезой: «...человечество на путях к новому Беловодью, более прекрасному и реальному и близкому» [Там же], что, как нам представляется, вновь возвращает к противопоставлению «вечное – временное» и подчеркивает, что если новый социальный идеал – коммунизм – все же, по мнению, автора, воплотится в жизнь в недалеком будущем, то долгий путь к подлинному идеалу справедливой, праведной и чистой жизни еще впереди.

В повести Иванова Белый Остров также остается образом недостижимой мечты: в тайге бушует пожар, погибают Три Сосны – Три Святителя (отсылка к образу мирового древа), но часть раскольников возвращается из Тобольска в свою обитель: «А через недельку и топи открылись. Ну, теперь и попробуй, попади на Белый Остров» [Иванов, 2012, с. 129]. Иванов по-своему соотносит два социальных идеала. В главе 13 описана новая реальность – пореволюционный Тобольск: «По лику – Русь, а по одеже – чисто черти <...>. А девки стриженые, юбки в насмешку над верой колоколом сшиты» (Там же, с. 122–123); «Нет, матушка, в этом городе епископов. Был один, да пристрелили. <...> И игумены, матушка, все сбежали, и то и пристрелены. <...> В церквах-то попы не знают, что

и служить» (Там же, с. 124). Жизни, отмеченной насилием и безверием, Иванов противопоставляет, на первый взгляд, частную историю о губпродкомиссаре Василии Запuse и раскольничьей девушке Саше. Вначале Запус лихой матрос, который, узнав о Белом острове, прикидывает, сколько можно продналогу собрать с раскольников, да и матросы не случайно говорят об «индивидуальном терроре» [Там же, с. 108, 110]. Переломным моментом оказывается встреча с Сашей, после которой Иванов рисует преобразенную, как в сказке, жизнь продкомиссара. Вернувшись в Тобольск и узнав о пришедших в город раскольниках, Запус отправляется им навстречу: «...раньше бы Запус к раскольникам на автомобиле шарахнул, надымил бы, языком навертел, а тут сел он на своего голубого коня и не спеша – шапку на брови – отправился» [Там же, с. 126], – комментирует автор. В финале повести комиссар сидит в «светелке», рядом с ним Саша в сарафане, они пьют чай. В этом дом приходит мать девушки, тихая старица Александра, и заводит речь о детях. Открывавшая книгу «Тайное тайных» тема блудного сына (рассказ «Жизнь Смокотинина») вроде бы находит свое завершение: герои обретают Дом. Кажется, и автор, Вс. Иванов, верит в возможность соединения двух социальных идеалов и сохранения традиционных основ национальной жизни. В то же время заканчивается книга словами о мучительном и долгом пути, ожидающем впереди: «Мука-то не оттуда начинается, мука начинается с другого... Поживешь поездишь, посвистит тебе ветер в уши, ну, глядишь, и поймешь» [Там же, с. 130].

Третий вариант понимания символического образа пути предлагает Платонов в рассказе «Иван Жох». Правнук Ивана Жоха в 1919 г. отправляется к генералу Деникину «драться с красными». Избранный им путь тоже лежит к «настоящему» идеалу, и на вопрос «за что драться?» Кузьма Сорокин отвечает: «За веру, за Вечный Град, за тишину истории». Однако этот путь ведет в тупик: Сорокина убивает «таманский командир в камере армавирской тюрьмы в 1920 г.» [Платонов, 2004, с. 41]. Путем насилия и убийства, как показывает автор, прийти к обетованной земле невозможно.

Наконец, Шишков в повести «Алые сугробы», не вводя образ нового пути, дает свой финал рассказу о поисках Беловодской земли. «Настоящее» Беловодье здесь, среди людей, которые открывают другим свою добрую душу: «Двух коней тебе дам: все равно зверь, все равно ветер... Вот какой... На! Денга не надо... Помогать надо» [Шишков, 1927, с. 95].

Надо ли говорить, что ни один из этих ответов, данных писателями на вопросы, поставленные временем, не пришелся по душе советским критикам и идеологам. Отказ Раскольников в публикации повести Плотникова был категоричен: «Не подходит» [Папкова, 2011, с. 135]. В предисловии к повести «Алые сугробы» Д. Горбов дал классовую оценку творчеству Шишкова, охарактеризовав его как «художника с ярко выраженным краеведческим и народническим уклоном» [Горбов, 1927, с. 9]. Предисловие содержало и наставление писателю: ему надо «выбросить многое из арсенала его народнических идей, а то, что в этом арсенале остается цельного и органического (крепкая эмоциональная привязанность к “мужицкому” миру), согласовать с лучшим достоянием пролетариата города –

революционной марксистской мыслью» [Там же, с. 13]. Оценивая книгу «Тайное тайных» критик А. Зонин тоже высказался вполне однозначно: «Примитивно-биологическое отношение к жизни, сплетенное с фатализмом, и довольно отчетливое осуждение всего нового, неверие в это новое – пропитывают все рассказы в “Тайное тайных”» [Зонин, 1927, с. 13]. Мысли Платонова в рассказе «Иван Жох» критики не поняли или не захотели понять, зато рецензентами был прекрасно понят роман «Чевенгур», автор которого, не используя слов о Беловодской земле, «сумел уловить практически все основные темы и мотивы народных легенд о Беловодье» [Кулагина, 2003, с. 52]. Ни в издательстве «Федерация», ни в издательстве «Молодая гвардия» роман опубликован не был.

Подводя итоги, следует отметить, что изучение исторического и литературного контекстов повести Иванова «Бегствующий остров» проясняет смысл как этого произведения, так и книги «Тайное тайных» и творчества писателя в целом. В то же время выявление типологического родства текстов 1920-х гг. открывает для исследователей русской литературы XX в. большую тему. Включение в текст художественного произведения народной утопической легенды о праведной земле, в частности о Беловодье, случайным быть не может. Такая легенда неизбежно привносит в него ряд социально-философских вопросов, особенно остро вставших в XX в.: о народном социальном идеале, путях его достижения, трудностях и ошибках этого пути. Произведения М. П. Плотникова, Вс. Иванова, В. Я. Шишкова, А. П. Платонова звучат своего рода наказом-предостережением и для читателей-современников, и для читателей-потомков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адлер, М. Владимир Ильич Ленин / М. Адлер // Красная новь. – 1924. – № 2. – С. 192–203.

Богумил, Т. А. Беловодье: легенда, мифологема, бренд / Т. А. Богумил // Культура и текст. – 2018. – № 3(34). – С. 89–101.

Богумил, Т. А. Алтай в биографии и творчестве В. Я. Шишкова («Алые сугробы») / Т. А. Богумил // Имагология и компаративистика. 2020. № 13. С. 128–140.

Бухарин, Н. Азбука коммунизма / Н. Бухарин, Е. Преображенский. – Москва: Алгоритм, 2018. – 304 с.

Воронский, А. К. У склепа / А. К. Воронский // Красная новь – 1924. – № 1. – С. 135–143.

Горбов, Д. О Вяч. Шишкове / Д. Горбов // Шишков Вяч. Алые сугробы. – Харьков: Пролетарий, 1927. – С. 5–13.

Зонин, А. На перепутье / А. Зонин // На литературном посту. – 1927. – № 4. – С. 7–15.

Иванов, Вс. Тайное тайных / Вс. Иванов. – Москва: Наука, 2012. – 568 с. – (Серия «Литературные памятники»).

Клибанов, А. Народная социальная утопия в России. Период феодализма / А. Клибанов. – Москва: Наука, 1977. – 355 с.

Кнорре (Константинова), Е. Ю. Китежане 1920-х: М. Пришвин, А. Мейер, М. Бахтин, А. Горский, Н. Сетницкий. «Творчество идеала» как модель самоопределения в социокультурной среде / Е. Ю. Кнорре (Константинова). – Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. – Москва: Индрик, 2016. – С. 228–241.

Ковтун, Н. В. «Беловодский метатекст в современной русской прозе (К постановке проблемы) / Н. В. Ковтун // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков. – Москва: Флинта, Наука, 2015. – С. 153–189.

Кондаков, Г. В. Алтайский фольклор в творчестве В. Я. Шишкова / Г. В. Кондаков. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1969. – 84 с.

Кулагина, А. Легенды о Беловодье и «Чевенгур» / А. Кулагина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – Вып. 6. – Москва: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 45–53.

Орлова, Е. А. «Африка» Е. И. Замятина и «Алые сугробы» В. Я. Шишкова: поиск мечты как форма познания души / Е. А. Орлова // Наследие В. Я. Шишкова: феноменология творчества. – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2010. – С. 127–131.

Папкина, Е. А. Легенда о Беловодье в творчестве Вс. Иванова / Е. А. Папкина // Филологические науки. – 2009. – № 5. – С. 29–37.

Папкина, Е. А. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX века в поисках крестьянского рая / Е. А. Папкина // Сибирские огни. – 2011. – № 4. – С. 133–139.

Платонов, А. П. Сочинения. Том первый. 1918–1927. Книга первая. Рассказы. Стихотворения / А. П. Платонов. – Москва: ИМЛИ РАН, 2004. – 646 с.

Плотников, М. Беловодье / М. Плотников // Сибирские огни. – 2011. – № 4. – С. 140–154.

Семенова, С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х гг. Поэтика – Видение мира – Философия / С. Г. Семенова. – Москва: ИМЛИ РАН, 2001. – 588 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 2. 1924 г. – Москва: Институт Российской истории РАН, 2001. – 670 с.

Чистов, К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К. В. Чистов. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. – 540 с.

Шишков, В. Я. Алые сугробы / В. Я. Шишков. – Харьков: Пролетарий, 1927. – 195 с.

Якимова, Л. П. «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20–30-х годов XX века / Л. П. Якимова. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2019. – 256 с.

REFERENCES

Adler, M. Vladimir Ilyich Lenin / M. Adler // Krasnaya nov'. – 1924. – № 2. – S. 192–203.

Bogumil, T. A. Belovod'e: legenda, mifologema, brend / T. A. Bogumil // Kul'tura i tekst. – 2018. – № 3(34). – S. 89–101.

Bogumil, T. A. Altaj v biografii i tvorcestve V. Ya. Shishkova («Alye sugroby») / T. A. Bogumil // Imagologiya i komparativistika. – 2020. – № 13. – S. 128–140.

Buharin, N. Azbuka kommunizma / N. Buharin, E. Preobrazhenskij. – Moskva: Algoritm, 2018. – 304 s.

Chistov, K. V. Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funkcii social'no-utopicheskikh legend) / K. V. Chistov. – Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2003. – 540 s.

Gorbov, D. O Vyach. Shishkove / D. Gorbov // Shishkov Vyach. Alye sugroby. – Har'kov: Proletarij, 1927. – S. 5–13.

Ivanov, Vs. Tajnoe tajnyh / Vs. Ivanov. – Moskva: Nauka, 2012. – 568 s. – (Seriya «Literaturnye pamyatniki»).

Klibanov, A. Narodnaya social'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma / A. Klibanov. – Moskva: Nauka, 1977. – 355 s.

Knorre (Konstantinova), E. Yu. Kitezhanе1920-h: M. Prishvin, A. Mejer, M. Bahtin, A. Gorskij, N. Setnickij. «Tvorcestvo ideala» kak model' samoopredeleniya v sociokul'turnoj srede / E. Yu. Knorre (Konstantinova). – Utopiya i eskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma. – Moskva: Indrik, 2016. – S. 228–241.

Kovtun, N. V. «Belovodskij metatekst v sovremennoj russkoj proze (K postanovke problemy) / N. V. Kovtun // Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta. Tropy, topopy, zhanrovye formy XIX–XX vekov. – Moskva: Flinta, Nauka, 2015. – S. 153–189.

Kondakov, G. V. Altajskij fol'klor v tvorcestve V. Ya. Shishkova / G. V. Kondakov. – Barnaul: Altajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. – 84 s.

Kulagina, A. Legendy o Belovod'e i «Chevengur» / A. Kulagina // «Strana filozofov» Andreya Platonova: Problemy tvorcestva. – Vyp. 6. – Moskva: IMLI RAN, 2005. – S. 45–53.

Orlova, E. A. «Afrika» E. I. Zamyatina i «Alye sugroby» V. Ya. Shishkova: poisk mechty kak forma poznaniya dushi / E. A. Orlova // Nasledie V. Ya. Shishkova: fenomenologiya tvorcestva. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2010. – S. 127–131.

Papkova, E. A. Legenda o Belovod'e v tvorcestve Vs. Ivanova / E. A. Papkova // Filologicheskie nauki. – 2009. – № 5. – S. 29–37.

Papkova, E. A. «Belovod'e» Mihaila Plotnikova: russkaya literatura 1-j treti HH veka v poiskah krest'yanskogo raya / E. A. Papkova // Sibirskie ogni. – 2011. – № 4. – S. 133–139.

Platonov, A. P. Sochineniya. Tom pervyj. 1918–1927. Kniga pervaya. Rasskazy. Stihotvoreniya / A. P. Platonov. – Moskva: IMLI RAN, 2004. – 646 s.

Plotnikov, M. Belovod'e / M. Plotnikov // Sibirskie ogni. – 2011. – № 4. – S. 140–154.

Semenova, S. G. Russkaya poeziya i proza 1920–1930-h gg. Poetika – Videniya mira. – Filosofiya / S. G. Semenova. – Moskva: IMLI RAN, 2001. – 588 s.

Shishkov, V. Ya. Alye sugroby / V. Ya. Shishkov. – Har'kov: Proletarij, 1927. – 195 s.

«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934). T. 2. 1924 g. – Moskva: Institut Rossijskoj istorii RAN, 2001. – 670 s.

Voronskij, A. K. U sklepa / A. K. Voronskij // Krasnaya nov' – 1924. – № 1. – S. 135–143.

Yakimova, L. P. «Pri zhizni proizveden v klassiki». Vsevolod Ivanov v istoriko-literaturnom kontekste 20–30-h godov XX veka / L. P. Yakimova. – Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2019. – 256 s.

Zonin, A. Na pereput'e / A. Zonin // Na literaturnom postu. – 1927. – № 4. – S. 7–15.